

наши публикации

Он стихи читал негромко

...Стоило Исаковскому улыбнуться, и мгновенно оживали глаза. И вот тут выяснялось, что этот полусерьезный человек весьма зорек — он все видит, все примечает, он уже успел разглядеть и оценить в своем собеседнике самое существенное.

Какая уж там отрешенность!

Чувство собственного достоинства естественно сочеталось в нем с уважительностью к товарищам, независимо от занимаемого ими положения. Здесь не было никакой рисовки или игры — только истинный такт и подлинная простота.

Публичных выступлений он не то чтобы избегал, но давал всячески понять, что это не в его натуре. Однако если ему случалось подняться на трибуну, будь то большая аудитория или малая, он всегда оказывался внутренне подготовленным.

Когда председательствующий называл имя Исаковского, по рядам пролетал одобрителный гул. Слушатели знали: Михаил Васильевич высказывается редко, но метко. И если уж взял слово, зря отнимать время у собравшихся не станет.

Ораторскими приемами он не владел, говорил тихо, порой даже сбивчиво, часто подносил руку к очкам, поправляя их, делал паузы, обдумывая следующую фразу, но слушали его с напряженным вниманием.

Он и стихи читал негромко, без выражения, в своей особой манере, доверительной, чуть распевающей, с отзвуками произношения, бытующего в его родных местах.

...Исаковский знал все достоинства и недостатки и городской, и сельской жизни. От предков он воспринял крестьянскую основательность, полное отсутствие суетности, тонкое ощущение природы, знание деревенского обихода, народных песен и присловий. Но он уже давно был горожанином, во всем облике его ощущалась интеллигентность, что глубоко соответствовало его внутренней сути.

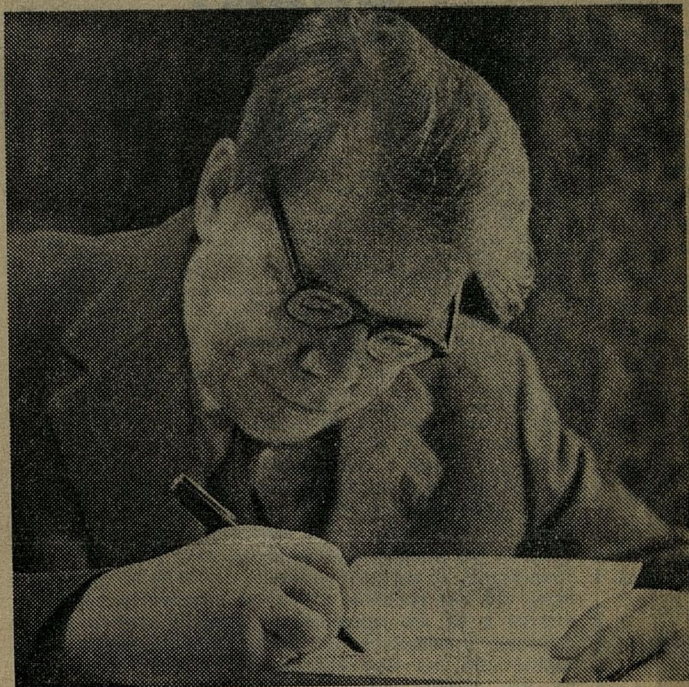
Верный всему, чем одарили его родные места, он, однако, не страдал ограниченностью, с самых ранних лет тянулся к городской культуре и всегда с благодарностью вспоминал тех, кто покровительствовал ему, кто поощрял его первые шаги на этом пути.

Судьба стихов Исаковского, положенных на музыку, поистине удивительная. Даже у очень талантливых поэтов и композиторов большие успехи редки. Сколько словесной и музыкальной руды надо извести, чтобы среди проходных сочинений вдруг непонятным образом возникла та, неповторимая, непреходящая песня, которая сразу же завоевывает сердца.

У Михаила Васильевича в его счастливом содружестве с Мокроусовым, Блазнером, Захаровым, Дунаевским такие открытия следовали одно за другим.

«Лучше нету того цветущей», «Снова замерло все до рассвета...», «Услышь меня, хорошая», «Летят перелетные птицы», «Каким ты был, таким остался», «Ой, цветет калина...» — какое щедрое собрание удач!

Из воспоминаний Якова ХЕЛЕМСКОГО
«Двойная ноша Пегаса».

Михаил ИСАКОВСКИЙ

Здесь похоронен красноармеец

Куда б ни шел, ни ехал ты,
Но здесь остановись,
Могиле этой дорогой
Всем сердцем поклонись.
Кто б ни был ты — рыбак,
шахтер,

Ученый иль пастух, —
Навек запомни: здесь лежит
Твой самый лучший друг.
И для тебя, и для меня
Он сделал все, что мог:
Себя в бою не пожалел,
А Родину сберег.

1942

Выйди в поле

Выйди в поле утренней
порою, —
Небо синее, дали широки.
Самолет всплывает
над землею.
По земле спешат грузовики.
Зреет жито на колхозных
нивах,
Свежим сеном пахнет на лугу.
Дед-пастух коров
неторопливых
У реки пасет на берегу.

На листе еще дрожат
росинки,
Птичий гам несется из кустов.
И в венке из полевых цветов
Девушка проходит
по тропинке.

Складная и легкая такая —
Как виденье юности самой...
Это все — страна моя родная,
Мирный край благословенный
мой, —

Мирный день советского
народа,
Озаренный солнцем золотым...
И его мы от любого сброда,
От любого лиха оградим!
1950

Дуб

Развесистый дуб на холме
зеленеет,
Раскинувши ветви широко.
И в землю родную своими
корнями
Он входит глубоко-глубоко.
И пусть над вершиной
проносятся тучи,
Пусть ветры над ним
завывают, —
Он держится крепко
за землю родную,
И бури его не сломают.

1933—1951